

МОТИВ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ДИСКУРСИВНОЙ ПАМЯТИ

В центре внимания – проблема аксиологического миромоделирования, рассмотренная через призму когнитивно-коммуникативных аспектов речевого поведения радиоведущих. На примере анализа мотививной структуры делаются выводы о специфике идеологических модусов дискурса. Мотив, в совокупности реализуемых им структурно-композиционных и содержательных приемов, рассматривается как выражение дискурсивной идеологии. Функционирование мотививной структуры дискурса информационно-аналитического радио исследуется через языковые и коммуникативные механизмы реализации конфликтного потенциала. Идеологический уровень реализуется в концептуологически значимых дискурсивных оппозициях, реализующихся в границах предпочитаемой культурной модели.

Ключевые слова: дискурсивная картина мира, дискурсивная идеология, конфликтность, мотививная структура дискурса.

Данная статья продолжает ряд исследований [1, 2], посвященных проблеме миромоделирующих интенций и эффектов массовой коммуникации. Практика изучения массмедийных дискурсов, сложившаяся в отечественной традиции, нацелена на описание индивидуальных коммуникативно-речевых и когнитивных моделей репрезентации картин мира, специфицируемых на уровне авторов/агентов дискурса [3, 4, 5], коммуникантов [6, 7, 8], особенностей интерпретации и воздействующих эффектов [9, 10, 11]. Социолингвистическое и социально-психологическое измерение дискурса [12] направляет внимание к его типовым, ментальным и психологическим структурам, сущность которых обусловлена институциональной природой социально-коммуникативных практик.

Вычлняя этот аспект исследования дискурса, возможно говорить о его системном характере, для описания которого релевантны объяснительные методологические позиции, позволяющие рассматривать коммуникативно-стилистические структуры и прагматические эффекты текстов как детерминации операциональных действий дискурса по созданию собственного аксиологического пространства и собственной идеологии.

Системное измерение дискурса предполагает обращение к специфике принципов и механизмов формирования дискурсивной памяти – тех интерпретативных аксиологических схем, которые организуют опыт участников коммуникации, оставаясь при этом нетематизированными в явном виде. В этом случае можно говорить о той власти дискурса, которая вырабатывает правила накопления, исключения и реактивации смыслов, определяет коммуникативные модели взаимодействия. Исходя

из исследования материала – информационно-аналитических радиотекстов – полагаем, что активаторами дискурсивной идеологии являются концептуологические структуры, функциональная природа которых позволяет сопоставить их с явлением *мотивива*.

Анализ радиотекста (370 страниц записей аналитических программ радио «Эхо Москвы»¹ «Особое мнение», «Культурный шок», «Полный Альбац»² за 2014 год) в аспекте его мотививной организации, на уровне аксиологических векторов развертывания, позволяет вычлнить «отправные точки» воспроизводства системы, то есть соизмерить институциональные и персональные параметры дискурса на пересечении ценностно-смысловых результатов моделирования его картины мира.

В типологическом разнообразии мотивов к анализу дискурса медиа целесообразно применять понятие «мотививной структуры», трактуемой как «концептуально значимая конструктивная связь повторяемых и варьируемых элементов текста» [13], которые организуют пространство дискурсивной аксиологии и функционируют как операциональная единица дискурсивной памяти.

Если при анализе литературного творчества потенциал мотива измеряется признаком сюжетогенности, то в коммуникативной практике медиадискурса значимость мотививных элементов открывается при анализе его аксиологической динамики: выполняя функцию оценочно-смысловых скреп дискурса, мотив указывает направление векторов его картины мира. Реализация мотива в структуре радиотекста позволяет говорить о степени его репродуктивности как о способности программировать и конституировать ценностное основание ком-

¹ Выбор подобного канала (в ряду каналов новостной и информационно-аналитической направленности ВВС, «Маяк», «Радио России», «Свобода») продиктован форматной установкой канала на аналитическое вещание и высокую плотность авторских программ, с одной стороны, и с другой – заметной персонологической компонентой вещания, часто радикальной позицией журналистов особенно в политическом сегменте дискурса.

² Аудиозаписи эфиров и их стенограммы хранятся на официальном сайте радиостанции [http:// www.echo.msk.ru](http://www.echo.msk.ru)

муникативной практики, проявляющееся в активности определенных идей, концептологических смыслов, мифологем и идеологем.

На примере аналитических радиотекстов «Эха Москвы» можно наблюдать системообразующие для дискурсивной практики канала реализации мотивной структуры, работающей как комплекс приемов создания *конфликтности*. Мотив в этом случае можно рассматривать как дискурсивный механизм реактивации дискурсивных аксиологических конвенций – представлений об антиномичности социального бытия, о пронизывающих его противоречиях. Но не только. В условиях аудиального восприятия текста говорящему существенно важно задействовать механизмы, выполняющие рекреативную (развлекательную) функцию. В этом случае конфликт в своей структурно-организующей ипостаси выступает как центр притяжения слушательского внимания не столько к фактуально и аналитически насыщенным зонам речевого взаимодействия, сколько к силовым (эмоционально-экспрессивным) линиям коммуникативного напряжения. В отсутствие визуального ряда эмоциональное напряжение берет на себя нагрузку развлекательной стороны коммуникации: то, что усиливает резонанс, оживляет сцену, реализует гедонистический принцип погружения в психоэмоциональный мир аудио.

Рассмотрим несколько показательных примеров, демонстрирующих реализацию мотива конфликтности на разных уровнях структурно-семантической организации дискурса. Так, при обсуждении проекта создания общественного телевидения в программе «Культурный шок» с К. Лариной. В качестве препозиции к обсуждению темы журналистом предлагается провокационное сомнение в реальности подобного проекта: *Не кажется ли вам эта идея утопической, наивной? А если это возможно, то, что является главной проблемой сегодня для создания?*

Движущим мотивом развития дальнейшей коммуникации становится фраза с перформативной семантикой: мнение журналиста проецируется на реальную картину ситуации, не предполагая ее верификацию, то есть подается как факт, неанализируемая данность. (*Что такое общественное ТВ в том виде, в котором сейчас существует наша страна. У нас общество расколото. У нас нет понятия общественный договор.*) При этом собеседникам нужно либо отрицать выдвинутый тезис, либо соглашаться, приводя нетривиальные аргументы, значимые в силу яркой эмоциональной реакции.

Действие дискурсивного мотива проявляется в актуализации концептологической оппозиции «реальное (отсутствие возможности) – фиктивное

(утопические проекты)». Логика создания конфликтности как эмоциональной и смысловой опоры речи настраивает на выбор негативной оценочной модальности.

При обсуждении темы концептуального кино «Краткий курс счастливой жизни» в рамках этой же программы «Культурный шок» реплики ведущего предполагают провокативный тон беседы, не случайно ее диктумное содержание распадается на несколько пропозиций, в рамках которых участники обращаются к такой скандальной теме, как акция Pussy Riot. Мотив, соединяющий микро-темы, реализуется в репликах с обобщающим значением: мы живем в ханжеском обществе, не готовом к восприятию «голой правды»: *Мне кажется, этот фильм ближе к <...> актуальному искусству, к тому, что пугает откровенностью. Но то, что сказал Роман, тоже верно, что мы живем в ханжеском обществе. Может ли искусство каким-то образом изменить что-то?*

Актуализация оппозиции понимающих, не боящихся говорить (снимать) правду и не готовых ее воспринимать в силу культурного невежества, разворачивается во фразе, спровоцированной вопросом ведущего: *готово ли общество к восприятию актуального искусства, пугающего своей откровенностью?* Интенция журналиста – вызвать откровенность собеседника – разворачивается в ответе: *великая правда заключается в том, что женщины – прекрасные, а мужчины – говно. И это правда, с которой искусство многие века сражалось, потому что искусство делали мужчины. А мужчины как менее совершенная и недоделанная форма человека, конечно, при ближайшем рассмотрении омерзительное впечатление производит. Особенно сейчас, когда у нас психологически такой же постфеминизм, а живем мы в России в состоянии 50-х. Реальность у нас как бы нормальная, а сознание дремучее.*

В следующем фрагменте беседы реплики ведущего показательно встраиваются в дискурсивно регламентированную установку – провоцировать, вызывать «культурный шок»: *Ларина: Для вас есть какие-то запреты в искусстве? Г. В.: Когда я сам занимаюсь искусством, для меня нет запретов. Но в случае с Pussy Riot ситуация сложная, здесь затронуты интересы многих. Ларина: А что же все молчите? Где многочисленные митинги в защиту? Г. В.: Мы не молчим, автобус был пущен по Садовому, но был оперативно остановлен, в «Фейсбуке» идет. У КПЗ, где они находятся, бывают выступления.*

Эмоционально и оценочно направляющие реплики могут быть рассмотрены как сеть модальных операторов. По принципу типового тиражирования подобных установок можно говорить

о сквозном характере дискурсивного мотива, его функции в организации аксиологического пространства дискурса на уровне темы, жанра, коммуникативной модели взаимодействия автора и адресата с репертуаром характерных коммуникативных приемов.

Формат передачи «Особое мнение», в которой обсуждается общественно-политическая проблематика, предполагает самую широкую тематическую палитру. Принцип развертывания заявленной темы – ассоциирование в рамках функционально подчинительных подтем, актуализируемых на основе ключевого смыслообраза с конфликтогенной перспективой. С одной стороны, мотив как модальный оператор встраивает актуализируемую подтему в общий нарративно-повествовательный контекст через оценочный план, а с другой (для интерпретации основной темы) – предлагает устойчивый содержательный апеллятив. Продуктивной (при исходной теме другой смысловой направленности) является тема политической жизни – наиболее показательная в плане демонстрации причинно-следственного звена выявленных противоречий. Приведем фрагмент передачи с ведущей Т. Фельгенгауэр, в которой обсуждается проблема применения сильно действующих анальгетиков с наркотическим эффектом. Стимулом для обсуждения стало сообщение радиослушателя, прокомментированное журналистом: *Вот опять же Антон писал у нас в колонке про то, что вопросы обезболивания вообще не стоят. Он проходил через страшные боли... Он пишет о том, что в американских клиниках существует принцип «Больной не должен страдать, надо тут же обезболить его». Там нету этой проблемы. Здесь эта проблема постоянная.*

В ситуации спонтанной радиоречи реплики ведущего приобретают особую функциональную значимость. Сложно говорить о том, что какой-либо отход от темы продуман заранее, скорее, речь может идти о мотивной структуре, реализующейся в речи журналиста: конфликт как основа видения и понимания реальности должен быть восстановлен на уровне противоречий, для демонстрации которых привлекаются примеры самого широкого тематического диапазона. Характеристику подобной проявленности идеологического фона находим у Ван Дейка: влияние идеологического контекста может так распределяться на значения и функции дискурса, что имеет очевидный характер для участников коммуникации, не имея при этом эксплицитного выражения [14].

Общая идея недовольства настоящим пускает в ход стратегию «болезненного сравнения» [15, с. 100], содержательным основанием которого становятся историко-политические реалии: *Понимае-*

*те, это отражение, как мне кажется, Таня, это отражение философии российской власти, для которой боль отдельно человека ничто. И это опять, вот, мы видели это на открытии Олимпиады в Сочи, да? Петр, полки в Петербурге. Если это бал, то он должен быть огромным. Хотя, очень красиво, ничего не скажешь, да? Это строится электростанция... Это все о машинериях, о мощи государства. Это не имеет никакого отношения к отдельному человеку. И журналист, и собеседник в процессе диалога приходят к выводу: *К сожалению, это все следствие одного и того же, что индивидуальность, то, что в либеральной модели мира самое важное, меньшинства, либеральность, индивидуальность, для людей нынешней власти это несуществующие величины, это вообще пыль, ничто.**

Следующие примеры демонстрируют характерную манеру ведения полилога, специфика его радиальной организации проявляется в полифоническом развитии темы, аспекты которой (подтемы) разворачиваются исходя из ризоморфности самого факта многоголосия: мнение участников демонстрирует многогранность видения и понимания темы, проявляющейся как компетентное знание и заинтересованность, оригинальный частный взгляд и т. д. Точками притяжения к обозначенной проблеме становятся эмоциональное напряжение, организуемое ведущим: беседу важно подвести или развернуть к вопиющим противоречиям, продемонстрировать возрастание конфликтности и как высшую точку развития полилога – несогласие – аксиологический рубеж ценностной перспективы современного медиадискурса.

Рассмотрим пример реализации конфликтного мотива в программе «Полный Альбац», поводом для обсуждения стал проект закона «О пропаганде гомосексуализма и педофилии среди несовершеннолетних». Тема передачи звучит определенно тенденциозно: «Новое российское средневековье». Позиция ведущего Евгении Альбац, заявленная уже в названии, декларируется в открытой и достаточно провокативной форме: *Говорить мы сегодня будем о новом российском средневековье – иначе я не могу идентифицировать ту кампанию мракобесия, которое после победы Путина 4 марта разливается по городам и весям. Кажется, что власть, в ужасе от гражданских протестов, пытается придумать новые идеологемы, дать народонаселению образы врагов, на которых можно было бы переключить внимание людей. Когда питерские законодатели приняли закон, цитирую: «О пропаганде гомосексуализма и педофилии среди несовершеннолетних», соединив в одной строчке уголовное преступление – педофилию – и сексуальную ориентацию или частный выбор людей – го-*

мосексуализм, – казалось, ну, не повезло интеллигентному Петербургу – он получил себе в начальники чекиста, который не заметил, что СССР уже давно нет, с гомофобскими законами при советской власти. Но тут оказалось, что «обратно в СССР» повесили себе на знамена еще несколько законодательных собраний.

Обсуждение темы, так остро касающейся частной жизни человека, априори имеет высокий градус конфликтности. Векторами развития беседы становятся ценностные оппозиции, имеющие для аналитического сегмента «Эха Москвы» особую аксиологическую значимость: личностное, индивидуальное и надличностное, принудительно общественное, государственное.

Обилие оценочных штампов в речи ведущего (гомофобский, фашистский закон, пропаганда) призвано усилить основную идеологему дискурса – либеральные ценности: *Продолжаем программу. Говорим о том, что в Государственную Думу внесен очередной гомофобский, с моей точки зрения, закон, который вводит ограничения на право человека быть другим, на право на инаковость, на право не скрывать, что у тебя другие сексуальные предпочтения. ... законы, которые сейчас принимаются в разных законодательных собраниях страны и проект которого внесен в Государственную Думу, – это ведет к тому, что вы называете фашизмом...*

Синхронизация персонологической позиции журналиста и дискурсивной заметна в той чувствительности к проблеме, которую демонстрирует ведущий, и той форме коммуникативного поведения, которая становится выражением власти дискурса. В апелляции ведущего к образным сравнениям, историческим аллюзиям, статистическим данным прослеживается установка на стратегию агональности: важно создать конфликтный фон для обсуждения проблемы, ввести интригу несогласия, а мнения собеседников разделить на аргументы «за» и «против».

Маргинальной фигурой в идеологическом поле дискурса оказывается представитель института власти (депутат А. Б.): несовпадение с транслируемым другими участниками кодом обеспечивают ему участь изгоя. Коммуникативная роль оппонента осуществляется в полилоге на основе оправдательной стратегии: отклонения от «нужного» направления квалифицируются как забалтывание темы или банальная неосведомленность:

А. Б.: Когда мы начали программу, вы поставили в один ряд уголовное преступление педофилию и гомосексуальные отношения. А педофилия это вообще не преступление – это психиатрический диагноз. Есть педофилы, которые не являются преступниками.

Ведущий: Думаю, что вы пытаетесь заболтать тему.

А. Б.: Подождите. Приходит к психиатру человек, говорит, что ничего не может с собой поделаться, ему каждое утро грезится 5-летняя соседская девочка. Ему немедленно будет поставлен диагноз, а он еще ничего не сделал.

Ведущий: Это демагогия...

А. Б.: Педофилия всегда психиатрическое расстройство.

Ведущий: Не всегда.

А. Б.: Это психическая патология...

Ведущий: Вы сейчас долго рассказывали про 85 %. А вы знаете, что есть такое понятие, как защита меньшинства от правила большого пальца? Знаете, как решался вопрос судьбы гладиатора в римском Колизее? Император обращался и спрашивал – убить? – так же, кстати, Пилат спрашивал, кого убить – Варавву или Иисуса? Это тот же принцип, который предлагаете вы. Поэтому вашему принципу был, кстати, распят Иисус, а Варавва отпущен.

Яркая нарративно-полемическая форма выражения собственной позиции становится эффективным аргументом: апелляция к воображению активизирует эмоциональный план восприятия, позволяя автору на образном, метафорическом уровне противопоставить «своих», разделяющих ценности (индивидуальности и инаковости) дискурса, и «чуждых» им. Утверждение контроля дискурса проявляется в установлении тех содержательных границ, в которых распознаются и нейтрализуются «чужие», конкурирующие позиции, поэтому субъект, оказавшийся за границами дискурсивно объединенного «сообщества», оказывается без инструмента распространения своих взглядов и убеждений:

А. Б.: Дайте я отвечу – вы меня только что обвинили в том, что я не говорил, приписали мне слова, которых я не говорил, сделали вывод о моей реакции и на нее отреагировали.

Ведущий: Антон, не отнимайте время.

Можно наблюдать, как в этом фрагменте передачи содержательные границы темы определяются принципом селективности: в «рамочное пространство» дискурса притягиваются «свои» мнения и оценки и отсекаются «чужие». Функциональная специфика мотива проявляется в этом случае как определенная заданность «дискурсивного мышления» – регламентированность коммуникативных действий субъектов условиями конфликта.

Таким образом, мотив, в совокупности реализуемых им структурно-композиционных и содержательных приемов, можно рассматривать как выражение дискурсивной идеологии, проявляющейся в двух ипостасях: на уровне структуры, когерен-

тности текста мотив реализует его парадигматические связи, работая в качестве «точек возврата» к центральным тезисам, в основном это смысловые и оценочные обобщения, придающие рассматриваемым событиям характер тенденции, повторы, смысловые и эмоциональные переключки. Наблюдаемый материал устойчиво демонстрирует в качестве таких дискурсивных скреп идеологический модус конфликтности – как отражение установки на моделирование образа мира с позиции его вопиющих противоречий.

При реализации семантической стороны дискурса аналитического радио его идеологический уровень реализуется в концептологически значи-

мых для дискурса оппозициях (человек – система, богатство – бедность, индивидуальность – общество, духовность – бездуховность, культура – цивилизация), позволяющих или не позволяющих коммуникантам почувствовать единство в границах предпочитаемой культурной модели. Как показал анализ материала, четкость модальной рамки утверждаемой коммуникантами культурной модели определяется ее конфликтной составляющей, т. е. в этом случае мотив, реализуясь на идейно-концептуальном уровне текста, выражается в дискурсивных «привычках» говорящих искать в интерпретируемых событиях и фактах конфликтогенную перспективу.

Список литературы

1. Ермоленкина Л. И. Метаречевые реализации дискурсивной идеологии информационно-аналитического радио (на примере канала «Эхо Москвы») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. № 10. С. 145–152.
2. Ермоленкина Л. И., Костяшина Е. А. Аксиологические параметры этнокультурной идентификации: опыт экспериментального исследования // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 379. С. 10–16.
3. Болотнов А. В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). № 10. 2012. С. 169–173.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 477 с.
5. Костяшина Е. А. Механизмы дискурсивных трансформаций коммуникативной модели «автор – адресат» в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 22–28.
6. Северская О. И. Политика и язык радио // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во МГУ; Факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, 2012. С. 674–741.
7. Воронцова Т. А. Телевизионная дискуссия как жанр дискурса СМИ // Язык СМИ и политика. М.: Издательство МГУ; Факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, 2012. С. 612–634.
8. Кирия К. Д. Дискурсивные и прагматические тенденции в российском информационно-аналитическом телевидении // Язык СМИ и политика. М.: Издательство МГУ; Факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, 2012. С. 634–674.
9. Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 27–48.
10. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 71–86.
11. Леонтьев А. А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 133–146.
12. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2004. 336 с.
13. Мотив: основные подходы к рассмотрению // Введение в литературоведение: учебник. URL <http://litved.rsu.ru/motiv.htm>
14. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
15. Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсивных смешений. М.: Языки славянской культуры. 2006. 224 с.

Ермоленкина Л. И., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: arblar2004@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

L. I. Yermolenkina

THE MOTIVE AS AN OPERATIONAL UNIT OF DISCURSIVE MEMORY

The focus of the article is on the question of the axiological modelling of the world, which is considered in terms of cognitive and communicative aspects of the speech behavior of radio presenters. The analysis of the motive structure provides guidance on specificity of ideological attitudes of discourse. The motive is presented as structural, compositional and substantive reception and is resulted in discursive ideology. The function of the motive structure of discourse of the information and analytic radio is described in terms of language and communicative mechanisms of realization of conflictual potential. The ideological level of discourse is presented in conceptual discursive oppositions, which is determined in the scope of a preferred cultural model.

Key words: *discursive worldview, discursive ideology, proneness to conflict, motive structure of discourse.*

References

1. Yermolenkina L. I. Metarechevye realizatsii diskursivnoy idealogii informatsionno-analiticheskogo radio (na primere kanala "Echo Moskvy") [Speech realization of the discourse ideology of the news radio station (the case of "Echo of Moscow")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 10, pp. 145–152 (in Russian).
2. Yermolenkina L. I., Kostyashina Ye. A. Aksiologicheskiye parametry etnokul'turnoy identifikatsii: opyt eksperimental'nogo issledovaniya [Axiological parameters of ethnocultural identification: experimental research data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk state university journal*, 2014, no. 379, pp. 10–16 (in Russian).
3. Bolotnov A. V. Samoprezentatsiya yazykovoy lichnosti v publichnom diskurse: kognitivno-stilisticheskiy aspekt [Self-presentation of language person in a public discourse: cognitive-stylistic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 10, pp. 169–173 (in Russian).
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Language circle: person, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 477 p. (in Russian).
5. Kostyashina Ye. A. Mehanizmy diskursivnykh transformatsiy kommunikativnoy modeli "avtor – adresat" v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala [The mechanisms of discourse transformations in the communicative model "author – addressee" in text space of health magazines]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2010, no. 2 (10), pp. 22–28 (in Russian).
6. Severskaya O. I. *Politika i yazyk radio [Politics and language of the radio]. Yazyk media i politika* [The language of media and politics]. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 674–741. (in Russian).
7. Vorontsova T. A. *Televizionnaya diskussiya kak zhanr diskursa SMI* [The TV discussion as a genre of media discourse]. *Yazyk media i politika* [The language of media and politics]. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 612–634. (in Russian).
8. Kiriya K. D. *Diskursivnye i pragmaticheskie tendentsii v rossiyskom informatsionno-analiticheskom veshchani* [Discursive and pragmatic sentiments in Russian inform and analytical telecasting]. *Yazyk media i politika* [The language of media and politics]. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 634–674. (in Russian).
9. Volodina M. N. *Yazyk massovoy kommunikatsii – osoby yazyk sotsial'nogo vzaimodeystviya* [The language of mass communication as a special language of social intercommunication]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The language of the media: textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii proyekt: Al'ma Mater Publ., 2008, pp. 27–48 (in Russian).
10. Dem'yankov V. Z. *Semiotika sobytiynosti v SMI* [Semiotics of developments in mass media]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The language of the media: textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii proyekt: Al'ma Mater Publ., 2008, pp. 71–86 (in Russian).
11. Leont'ev A. A. *Psihologiya vozdeystviya v massovoy kommunikatsii* [Psychology of mass communication manipulation]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [The language of the media: textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii proyekt: Al'ma Mater Publ., 2008, pp. 133–146 (in Russian).
12. Jorgensen M. W., Phillips L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publ., 2002, 230 p. (Russ. ed.: Yorgensen M. W., Phillips L. J. *Diskurs-analiz: teoriya i metod*: per. s angl. Khar'kov, Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2004. 336 p.).
13. *Motiv: osnovnyye podhody k rassmotreniyu. Elektronnyy uchebnyk* [The motive. The basic ways in study. Electronic textbook]. URL: <http://litved.rsu.ru/motiv.htm> (Accessed: 25 June 2014) (in Russian).
14. Van Dijk T. *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan, 2008. 256 p. (Russ. ed.: T. Van Deyk. *Diskurs i vlast'*. *Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, Knizhnyy dom LIBROKOM Publ., 2013. 344 p.).
15. Silant'ev I. V. *Gazeta i roman: ritorika diskursivnykh smesheniy* [Newspaper and novel. The rhetoric of discursive mixing]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2006. 224 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: arblar2004@rambler.ru